

Павел Анненков

**Исторические и эстетические
вопросы в романе
гр. Л. Н....**

Павел Анненков

**Исторические и эстетические
вопросы в романе гр. Л.
Н. Толстого «Война и мир»**

«Public Domain»

1868

Анненков П. В.

Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого
«Война и мир» / П. В. Анненков — «Public Domain», 1868

«...Всех более посчастливилось при этом молодому князю Болконскому, адъютанту Кутузова, страдающему пустотой жизни и семейным горем, славолюбивому и серьезному по характеру. Перед ним развивается вся быстрая и несчастная наша заграничная кампания 1805–1807 годов со всеми трагическими и поэтическими своими сторонами; да кроме того, он видит всю обстановку главнокомандующего и часть чопорного австрийского двора и гофкригсрата. К нему приходят позироваться император Франц, Кутузов, а несколько позднее – Сперанский, Аракчеев и проч., хотя портреты с них – и прибавим – чрезвычайно эффектные снимает уже сам автор...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

Павел Васильевич Анненков

Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир»

Мы основываем право свое говорить о новом, еще не оконченном произведении гр. Л. Н. Толстого, во-первых, на громадном его успехе в публике, что ставит его в ряды явлений, вызывающих исследование, а во-вторых, на самом богатстве и полноте содержания трех вышедших теперь частей романа^[1], которые обнаружили вполне весь замысел автора и все его цели, вместе с изумительным талантом осуществления и достижения их. Мы не боимся сказать парадокс, если выразим мнение, что и при меньшем развитии творческих сил и художнических способностей исторический роман из эпохи, столь близкой к современному обществу, возбуждал бы напряженное внимание публики. Почтенный автор очень хорошо знал, что затронет еще свежие воспоминания своих современников и ответит многим их потребностям и тайным симпатиям, когда положит в основу своего романа характеристику нашего высшего общества и главных политических деятелей эпохи Александра I, с нескрываемою целию построить эту характеристику на разоблачающем свидетельстве преданий, слухов, народного говора и записок очевидцев. Труд предстоял ему немаловажный, но зато в высшей степени благодарный. Он приступил к нему, как оказывается из последствий, с твердым убеждением, что есть возможность разрешить многосложную выбранную им тему в обычных условиях романа и доставить ей этим путем весь тот литературный успех, весь тот радушный прием, который она, по своей своевременности и жгучей занимательности, встретила бы везде, где бы ни появилась.

Уже в смелом тоне первых картин романа, которые были напечатаны с год тому назад в «Русском вестнике»^[2] и тогда же возбудили общее внимание, заключалось нечто похожее на заявление автора о своем призвании подарить публике произведением, которое, не переставая быть романом, было бы в то же время историей культуры по отношению к одной части нашего общества, политической и социальной нашей историей в начале текущего столетия вообще и которое могло бы представить из себя любопытное и редкое соединение олицетворенных и драматизированных документов с поэзией и фантазией свободного вымысла. Все, что было тогда предвещанием, явилось теперь делом решенным – и решенным, надо сказать, с изумительной ловкостью. Не только автор нигде не обнаружил сомнения и колебания перед обширностью и исполнимостью выбранной задачи, но он словно растет ввиду затруднений, ею представляемых, творческие силы его словно напрягаются с приближением к некоторым опасным местам, где связь романа с историей держится на волоске. Разбив все содержание задачи на множество сцен и отдельных картин, он разрешает ее таким образом по частям, по-видимому, без всякого остатка, кроме того, который под сцены и картины не подходит; но о важности этого исторического остатка, не попавшего у него в переделку, мы говорим далее. Теперь нам нужно только знать, что мы имеем перед собою громадную композицию, изображающую состояние умов и нравов в передовом сословии «новой России», передающую в главных чертах великие события, потрясавшие тогдашний европейский мир, рисующую физиономию русских и иностранных государственных людей той эпохи и связанную с частными, домашними делами двух-трех аристократических наших семей, которые высылают на это позорище^[3] несколько членов из своей среды.

Всех более посчастливилось при этом молодому князю Болконскому, адъютанту Кутузова, страдающему пустотой жизни и семейным горем, славолюбивому и серьезному по характеру. Перед ним развивается вся быстрая и несчастная наша заграничная кампания 1805–1807

¹ Четвертая и последняя часть обещана в непродолжительном времени.

годов со всеми трагическими и поэтическими своими сторонами; да кроме того, он видит всю обстановку главнокомандующего и часть чопорного австрийского двора и гофкригсрата. К нему приходят *позироваться* император Франц, Кутузов, а несколько позднее – Сперанский, Аракчеев и проч., хотя портреты с них – и прибавим – чрезвычайно эффектные снимает уже сам автор. Каждое из этих и других лиц является на сеанс со своей крупной физиономической чертой, отысканной в нем отчасти историей, отчасти анекдотом, всего более анекдотом^[4]. Второе место за Болконским занимает молодой граф Безухий^[5], вялый, но добродушный и симпатичный человек, перед которым масонские ложи того времени развивают все свои тайные помыслы и цели в замечательном порядке и в строгой последовательности, как будто они приготовились к этому делу издавна. Ослепительная сторона романа именно и заключается в естественности и простоте, с какими он низводит мировые события и крупные явления общественной жизни до уровня и горизонта зрения всякого выбранного им свидетеля. Великолепная картина Тильзитского свидания, например, вращается у него, как на природной оси своей, около юнкера или корнета, графа Ростова, ощущения которого по этому поводу составляют как бы продолжение самой сцены и необходимый к ней комментарий. Без всякого признака насилования жизни и обычного ее хода роман учреждает постоянную связь между любовными и другими похождениями своих лиц и Кутузовым, Багратионом, между историческими фактами громадного значения, Шенграбенем, Аустерлицем и треволнениями московского аристократического кружка, будничным строй которого они не в состоянии одолеть, как не в состоянии одолеть и вечных стремлений человеческого сердца к любви, деятельности, наслаждению.

Ничто не дает такого подобия действительности и ничто так не заменяет собою понимания ее, как эти сопоставления, особенно если ими распоряжается и пользуется необыкновенный талант, как именно здесь случилось. Благодаря им читателю кажется, будто *дух времени*, открытие и определение которого стоит таких трудов исследователям исторических эпох, воплощается на страницах романа, как индийский Вишну^[6], легко и свободно, бесчисленное количество раз. Из признательности за это ощущение духа времени устанавливаются на первых же порах между читателем и романом самые дружеские, приятные отношения, которые еще растут и укрепляются, когда обнаруживается, что превосходные сцены, рисующие необыкновенно живо и выпукло вечное противоречие интересов частного лица с интересами и замыслами государства, освещены одинаково у автора лучом скептической, анализирующей мысли, долго обращавшейся, по всем признакам, в среде записок, преданий, всего того, что французы называют *«маленькой»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Первоначально книга «Война и мир» состояла из шести томов (четвертый том вышел в марте 1868 г.); деление на четыре тома появилось в 1873 г.

2.

Первые главы романа «1805 год» появились в РВ (1865. № 1).

3.

Позорище – здесь: зрелище.

4.

Анекдот – здесь: «короткий, сжатый рассказ о замечательном или забавном случае» (Даль).

5.

Так именовался Безухов в романе «Тысяча восемьсот пятый год».

6.

Вишну – один из высших богов индуизма, способный перевоплощаться в любые живые существа.